

СОЦИОЛОГИЯ: ПРИЗВАНИЕ И ПРОФЕССИЯ

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ ЛАРИСОЙ ГРИГОРЬЕВНОЙ ТИТАРЕНКО

— *Социология как самостоятельная отрасль науки и образования утвердилась в странах СНГ после 1990-х гг. Как вы оцениваете историю социологии в Беларуси и свое участие в ней?*

— История социологии в Беларуси — это часть истории советской социологии. Она возникла и стала развиваться задолго до 1991 г., с 1970-х гг., лишь расширяясь за счет рынка соцуслуг и более активно используя властями. Если бы социология не развивалась раньше, откуда бы взялся импульс ее развитию после распада СССР? В моем понимании, социология (в форме прикладной социологии) существовала минимум 10–15 лет при советской власти в нашей республике. В Белорусском государственном университете она довольно успешно развивалась — может быть, даже более успешно, чем в столичных советских университетах, где было больше контроля. В немалой степени этому способствовал личностный фактор — инициативы ныне здравствующего профессора Г. П. Давидюка, создателя белорусской школы социологии, председателя Белорусского отделения Советской социологической ассоциации (с 1976 г.). В 1973 г. он перешел из Академии наук в БГУ и возглавил кафедру философии (другой же не было!), где стал активно продвигать социологию. Еще в 1967 г. в БГУ была создана Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований (ПНИЛСИ), а в 1974 г. при кафедре философии был открыт сектор при-

кладной социологии, который активно проводил исследования на предприятиях, составлял модные тогда планы социального развития коллектива, социальные паспорта. Это был коллектив заинтересованных в социологии людей: когда я туда пришла после окончания БГУ работать, мое впечатление было очень позитивным. В лаборатории и секторе было много молодых выпускников-социологов. Мы проводили исследования в области социологии молодежи, СМИ, социологии труда и управления, результаты активно публиковали. Это был «заказ» партийных органов республики: тогда было модным привлекать социологов к прояснению социальных проблем развития, особенно на уровне прикладных исследований. Там я прошла свою первую «практическую школу социолога».

Г. П. Давидюк одним из первых в СССР издал два учебных пособия — «Введение в прикладную социологию» (1975) и «Прикладная социология» (1979) — эти книги потом использовались в нашей преподавательской работе, наряду с известными учебными пособиями В. А. Ядова и А. Г. Здравомыслова. Тогда выход подобной книги был событием, совсем не то, что сейчас — множество книг разных авторов издается ежегодно. В Минске был выпущен первый в СССР социологический словарь (первое издание 1984, второе — 1991). Я тоже принимала участие в его создании (как позднее — уже в постсоветское время — в подготовке первой белорусской Социологической энциклопедии, вышедшей в 2003 г., и в создании первого профессионального журнала «Социология» в 1997 г.). В 1994 г. нашей кафедрой был выпущен учебник «История социологии», который долго можно было найти в программах курсов по всему бывшему Союзу.

Специальность «социология» у нас была открыта в 1989 г., а в 1990 г. появились социологические специальности в номенклатуре ВАК. При БГУ был создан первый в республике специализированный Совет по защитах диссертаций по социологии. После присвоения мне ученой степени доктора социологических наук в 1993 г. я стала членом этого совета. К настоящему времени в нем успешно защитились 12 моих аспирантов. В начале нового века я на какое-то время была приглашена в экспертный совет ВАК. Прошла, можно сказать, много ступеней экспертной работы, хорошо знаю эту «кухню» — на ней варится много нового и интересного.

Кафедра социологии в белорусском университете была создана в 1989 г., и я была в числе первых пяти ее сотрудников: первого заведующего кафедрой и декана профессора А.Н. Елсукова и команды Абушенко-Лимаренко-Писаренко-Титаренко. Четверо из нас до сих пор работают на кафедре социологии БГУ. Это и по сей день единственная специализированная кафедра, где в настоящее время есть 8 штатных

профессоров; она объединяет практически всех, кто так или иначе связан с социологическим образованием в Беларуси.

К сожалению, у нас так и не открылся факультет социологии: до сих пор кадры готовит факультет философии и социальных наук БГУ, открытый тогда же, когда и кафедра — в 1989 г. (сначала он назывался ФЭФ, философско-экономический факультет, а с 1999 — как сейчас). С одной стороны, это позволяет обществоведам тесно общаться друг с другом, совместно издавать журнал «Философия и социальные науки», реализовывать идею междисциплинарности социального знания, с другой — делает нас не настолько заметными на общем фоне. Есть в этом нечто симптоматичное, замедлившееся развитие социологии после 1991 г.! Ведь столько открылось в Беларуси в это время новых факультетов по праву, экономике, менеджменту, и ни одного — по социологии! Тем не менее, за постсоветский период социология росла и развивалась вширь и вглубь, и в целом проблемы ее развития, пожалуй, не отличаются от аналогичных проблем российской социологии — только масштаб другой.

В любом случае, я могу с гордостью сказать, что непосредственно участвовала в процессе создания белорусской социологии — становлении социологического образования, проведении исследований, разработке категориального аппарата, публикациях базовых учебных работ.

— Известно, что в советский период отсутствовала профессиональная подготовка социологов. Вы в настоящее время работаете в области социальных наук. Интересно, кто вы по образованию: философ, социальный философ и/или социолог? Где и чему учились? Чему научились?

— Я пришла в социологию из философии. Считаю это огромным плюсом в моем образовании, хотя и не жалею о смене деятельности. Философия дает широкий кругозор ученому, развивает его критическое мышление. Без хорошей философской базы вообще невозможно заниматься социальной теорией (наверное, поэтому так мало у нас теоретиков), трудно просто подняться над эмпирическим материалом, чем иногда страдают «узкие специалисты». Изучение истории философии — это основа теоретико-методологического подхода. Таково мое убеждение, подтвержденное практикой жизни.

В те годы, когда я начинала учебу, социологии в университете вообще не было. По сути дела, специальность родилась в вузе на моих глазах, и за довольно короткое время, причем намного раньше, чем ее утвердили в номенклатуре ВАК. Благодаря огромным усилиям профессора Давидюка в 1974 г. на отделении философии открылась специализация по прикладной социологии. Студентам Георгий Петрович рассказывал о перспективах социологии, а про его борьбу за институционализацию

социологии я узнала намного позже. Тогда, в середине 1970-х гг., специализация по социологии уже была прорывом. В результате симбиоза двух совершенно разных дисциплин некоторое время спустя я получила диплом с абсурдной, по сути дела, формулировкой, которая могла родиться только в бюрократических структурах советской системы образования: «Специальность: Философ. Прикладной социолог». Впрочем, это никогда не мешало мне в моей практической деятельности.

Кандидатская диссертация, защищенная мною по социальной теории в рамках истории философии, была чисто теоретического характера, хотя, собственно говоря, ее тематика соответствует тому, что теперь относят к истории социальной теории — к технократическим теориям развития общества. Ну, а докторскую я защищала уже в «новое» время, так что, по этому диплому, я социолог.

Училась я социологии не только в вузе и не только в Минске. Если этот процесс остановить, то поневоле будешь пятиться назад — как говорила кэрроловская Черная Королева: «Нужно бежать со всех ног, чтобы только оставаться на месте, а чтобы куда-то попасть в другое место, надо бежать как минимум вдвое быстрее!» Значительную часть знаний я получила из практики проведения исследований (включая международные) и из чтения классической и новейшей литературы по социологии (первоисточников, как у нас говорят). За годы моей научной деятельности мне посчастливилось общаться с социологами мировой величины — такими, как Дэниел Белл, Шмуэль Айзенштадт, Сеймур Липсет, Джеффри Александер, Иммануил Валлерстайн и др. Так что я училась всю жизнь, используя разные механизмы обучения. Думаю, это вполне нормально. Ведь когда прекращаешь учиться — застываешь в понимании мира и не можешь воспринимать новое, адекватно реагировать на него.

— *Как вы пришли в социологию? Чем был вызван ваш выбор научной стези? Повлиял ли кто-нибудь на ваш профессиональный выбор? Возможно, какие-то события или встречи определили ваш индивидуальный путь в научной сфере? Как сложилась ваша служебная карьера?*

— О социологии я услышала еще в школе. Мое внимание привлекла книга В.Э. Шляпентоха «Социология для всех». Кажется, я училась в последнем классе средней школы, когда ее прочитала. Книга увлекла: социологи казались людьми, которые точно знают, как изучать общество и объяснять происходящие в нем процессы (замечательная позиция, не правда ли?). Так что я хотела стать социологом еще до того, как этому стали учить. Потом, много лет спустя, когда я познакомилась с Владимиром Эммануиловичем в США и рассказала ему о том влиянии, какое произвела на меня его книга, ему было приятно. Впоследствии наше знакомство переросло в сотрудничество, и я приняла участие

в двух научных проектах, возглавляемых Шляпентохом — о постсоветских страхах и об освещении в медиа событий 11 сентября 2001 г. в Нью Йорке. В годы учебы в вузе на мой выбор больше всего повлиял Г. П. Давидюк, мой научный руководитель по дипломной работе и кандидатской диссертации. Мое увлечение социальными теориями прогресса было отчасти связано и с его влиянием, а отчасти — с моим личным интересом к зарубежной социологии, с желанием профессионально применить знание английского языка, что в советское время было очень непросто. Образно выражаясь, можно сказать, что Давидюк дал путевку в жизнь целому поколению белорусских социологов. Благодаря ему молодой аспиранткой я впервые приехала в Москву на международную социологическую конференцию по истории социологии, в которой участвовали ведущие на то время советские ученые (Ю. Давыдов, Ю. Замошкин, Г. Осипов и др.). С того времени у меня завязались связи с московскими социологами. В Петербург я попала намного позже, благодаря В.Т. Лисовскому — ведь в прикладном плане мои первые исследования были в русле очень популярной тогда социологии молодежи, а как же можно было ею заниматься и не знать Лисовского?! Он приезжал в Минск много раз, публиковался у нас, и мы участвовали в организованных им замечательных конференциях в НИИКСИ. Помню, все были охвачены энтузиазмом: мы все делали важное дело, наша работа была востребована обществом. Такое было ощущение.

Не могу сказать, что какой-либо ученый стал для меня образцом для подражания, хотя названные мною уважаемые ученые, как и ряд других социологов, оказали на меня профессиональное влияние. И прежде всего — в преданности профессии.

Мне очень повезло, когда я попала в молодежную группу советских социологов, участвовавших по линии бюро международного молодежного туризма «Спутник» в работе X конгресса Международной социологической ассоциации в Мексике в 1978 г. Тема того конгресса звучит актуально и сегодня: «Социальная теория и социальная практика». Это было огромное событие в моей жизни, ведь до того я никогда не бывала за границами «мира социализма», да и в работе столь высокого форума не принимала участия. Было очень интересно. В нашу группу вошли В. Лисовский, В. Андреенков, В. Чупров, В. Добреньков, Л. Хахулина, Л. Беляева... Общение с ними, участие в работе конгресса, знакомство с зарубежными социологами — все было новым. Такая практика была очень полезной и для моего развития как личности, и для профессионального роста. Тогда, в советское время, такие поездки были редкостью. Очень хорошо, что сегодня они стали нормальной практикой: каждый аспирант может себе их позволить — было бы желание работать и результаты, которыми не стыдно поделиться с коллегами.

Позднее я участвовала в работе других конгрессов Международной социологической ассоциации — в Билефельде (1994), Монреале (1998), Гетеборге (2010), и всегда были новые интересные встречи. Но первый из этих конгрессов запомнился больше других.

Моя карьера — это путь профессионального развития как ученого, который никогда не был обременен никакими должностями и креслами, кроме научного звания профессора и ученой степени доктора наук (другие звания, которые я получила за границей, ничего не добавляют к отсутствию «формальной карьеры» в стенах белорусского университета). Я всю жизнь проработала в БГУ, хотя и была приглашенным профессором (выступала с лекциями или читала курсы) в десятке университетов разных стран мира (Гарвардский, Корнельский, Сиракузский, Нью-Йоркский, университеты Джорджа Мейсона и Джорджа Вашингтона в США, ряд университетов в Канаде, Швеции, Финляндии, Голландии, Германии, Греции, Польше, Венгрии, Испании).

— *Каковы ваши приоритеты в профессиональной деятельности: преподавание, исследовательские проекты, международные связи, научная активность и общественная активность?*

— Все эти виды деятельности социолога мне интересны и все представляются необходимыми. Лично меня больше всего увлекает процесс познания нового, т. е. научного исследования. Однако я отдаю себе отчет, что любому ученому для «поддержания формы» и достаточно широкого профессионального кругозора нужно постоянно читать какой-то общий социологический курс для студентов. Именно не отдельные спецкурсы, а базовый большой курс социологии. В молодые годы таким курсом была для меня «Методология и методика социологических исследований». Бесценный курс для «молодого бойца» — социолога! Оттуда я вынесла очень прочные знания основ социологии, которые пригодились в научной работе. Учебное пособие Ядова по социологическому исследованию в свое время знала почти наизусть. Студенты до сих пор иногда удивляются: как это я, преподавая, в основном, историю социологии, знаю нюансы методики проведения исследований? Они не в курсе моего прошлого опыта. Так что мне легко самой организовывать и проводить эмпирические исследования, хотя я давно читаю другой базовый предмет — историю социологии. В разные периоды своей деятельности я читала все его части (классику, отечественную, современную), теперь — только современную. Этот курс стимулирует постоянно читать современную литературу на английском языке, поскольку очень многие работы не переводились и не переводятся на русский. Стала больше ездить на конференции, чтобы быть в курсе социологических инноваций (это начиналось еще в советское время и продолжается до сих пор), познакомилась со многими замечательными зарубежными учеными.

Как преподаватель я довольно строго отношусь к студентам: если пришли в вуз — учитесь! По истории социологии всегда требую знания первоисточников. И вот, преподавая в США, я обнаружила, что там студенты не читают первоисточников целиком, но хорошо знают отрывки работ, помещенные в хрестоматиях. Такое знание позволяет им освоить «главные вопросы» в трудах того или иного автора. Я ознакомилась со многими изданными в США хрестоматиями, а когда вернулась в Минск, захотела и для наших студентов создать нечто подобное, с учетом нашей программы и особенностей системы образования. Многие тексты пришлось переводить, т. к. не все, что мне хотелось включить в книгу, было уже переведено, особенно из трудов ныне здравствующих авторов (таких как Ханс Йоас или Луис Крисберг, например). Большой объем работы потребовал огромных усилий, эту работу мы проделали с профессором Г.Н. Соколовой, в лице которой я нашла единомышленника в этом деле. После нескольких лет усилий и поисков мы подготовили и издали в 2008 г. хрестоматию «Современная западная социология». Считаю ее большим профессиональным достижением. Она нужна студентам. Да и многие молодые преподаватели (не только по социологии), не имеющие личной возможности читать произведения современных авторов в оригинале, могут оттуда почерпнуть необходимые сведения.

Что касается международных связей — это всегда лишь средство, а не цель сама по себе. Ученый вне профессиональных сетей — уже не ученый. Сегодня эти сети включают представителей многих стран. А как же иначе?! Эти связи формируются сами по себе, по мере личного включения в проекты, участия в конференциях, публикациях и пр. Чем больше включен в научные проекты — тем обширнее твоя сеть международных связей.

Общественная активность — это времена моей студенческой молодости. Теперь на это нет ни времени, ни желания. Либо ты занимаешься общественной активностью, либо наукой. Совмещать не удастся, за исключением случаев ролевых презентаций работы больших коллективов, когда это становится частью имиджа, как, например, у белорусского социолога О.Т. Манаева. Мне не очень интересна такого рода активность, т. к. в нашем обществе от нее ничего не зависит, а коллективами управляют не ученые, а деловые люди от социологии. Публичность — удел журналистов и политиков, на мой взгляд. Очень немногие ученые находят время и силы для совмещения науки с публичной политикой. Не случайно в хороших зарубежных университетах даже должность заведующего кафедрой (не говоря о декане) представлена в «двух ипостасях» — научного координатора, ученого, и организатора деятельности кафедры — практика, управленца. Наша постсоветская бедность, а может быть, и любовь к власти и креслам, не позволяет перенять этот опыт.

Вот и обрекает себя ученый на бесконечную беготню по совещаниям и заполнение бесконечных отчетов — либо хороший организатор мучается, как бы это еще и статью успеть написать, когда за повседневными делами он уже вообще забыл, чем когда-то занимался в науке.

— *Что значит для вас работа в Белорусском государственном университете? Какое место он занимает среди других образовательных и научных учреждений Беларуси?*

— БГУ — единственный университет в Беларуси советского времени. Он был основан лишь в 1921 г. и строился как классический университет (в советском понимании этого термина). В его деятельность были включены не только лучшие белорусские кадры — известных ученых — химиков, физиков — приглашали на постоянную работу из России (не случайно, конечно, БГУ был в числе лучших советских вузов!). Для меня он таким и остался. По крайней мере, старается сохранить этот имидж. Среди белорусских вузов он занимает самое высокое место в мировых рейтингах (хотя это совсем не трудно, конечно). Однако и среди стран СНГ его рейтинг в разных подсчетах достаточно высок: 4-е место по СНГ (Webometrics 2012) или 9-е (OS World University Ranking). В любом случае это ниже, чем МГУ или СПбГУ, но ведь и Беларусь — не Россия, наши ресурсы во всех отношениях несравнимо меньше. Однако и эти рейтинги БГУ получил не благодаря успехам социальных наук, а за счет естественных факультетов, развития физики, математики, информатики. Социально-гуманитарные науки остаются, в лучшем случае, на вторых ролях.

Тем не менее БГУ — первый вуз, где была начата подготовка социологов. В настоящее время несколько областных университетов (бывших пединститутов) тоже ведут такую подготовку, но три четверти научных кадров страны сосредоточены в Минске, поэтому областные вузы уступают БГУ по всем параметрам. Так что почти все белорусские социологи вышли из одной школы БГУ. Сегодня наш факультет и Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, открытый в 1990 г., представляют два ведущих профессиональных центра республики. И хотя многие наши выпускники там работают, эти центры постоянно конкурируют друг с другом. Глядя на Россию, можно сказать, что ничего уникального в такой конкуренции нет, она имеет место и здесь.

— *Участвует ли ваш университет в реализации каких-либо особых образовательных программ? Каким образом университет взаимодействует с Академией наук Беларуси? Участвуете ли вы лично в этом сотрудничестве?*

— БГУ включен в программу Эразмус Мундус. Зарубежные студенты по этой программе обмена к нам не приезжают, а вот наши ездят учиться за рубеж достаточно активно. Многие мои выпускники учились в разных странах на бакалаврских и магистерских программах.

С Академией наук мы совместно участвуем в выполнении всех государственных программ по науке. Эти программы, как в старые советские времена, создаются на пятилетку. Так что я уже несколько пятилеток в них отработала. Тематика таких исследований строго соответствует так называемым приоритетным направлениям развития науки, утверждаемым сверху. Например, в 2006–2010 гг. в рамках Государственной комплексной программы фундаментальных исследований выполнялась общая тема «Теоретико-методологические основы устойчивого инновационного развития социально-ориентированной экономики Республики Беларусь». В рамках нынешней госпрограммы на 2011–2015 гг. наши ученые в области социальных наук участвуют со своими темами в разработке подпрограммы «Теоретико-методологические основания и ценностно-мировоззренческие факторы национальной стратегии социокультурного развития, региональной и глобальной интеграции». По-моему, темы говорят сами за себя. Другой тематики государство не предлагает. Сегодня на нашем факультете выполняется 5 или 6 тем по госпрограмме.

Есть другая возможность — участие в конкурсах на гранты Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (БРФФИ). Там более разнообразная тематика, но средства совсем небольшие, на них трудно проводить репрезентативные исследования. Обычно ученые стараются как-то комбинировать проекты, чтобы они взаимно дополняли друг друга и чтобы данные одного проекта можно было использовать и в последующей работе. Это нормальная практика. Печально, что Институт социологии полностью закрыл данные проводимого ими много лет республиканского мониторинга даже для других ученых. Такая практика идет вразрез с потребностями развития науки, не дает возможности проведения вторичного анализа данных, т. е. той деятельности, которая во всем мире сегодня считается научной нормой. Например, я могу воспользоваться базами данных многих международных исследований, к которым есть электронный доступ, но у меня нет никакого доступа к информации коллег, работающих по данным Беларуси, — абсурд ведь! А рядом Украина, где Институт социологии, проводящий национальный мониторинг, постоянно публикует свои данные. Да и в Беларуси есть негосударственные организации, предоставляющие доступ к информации (хотя и не к базам данных), — благодаря им мы можем многое узнать о нашей собственной стране. Так что с точки зрения доступа к информации мы живем, как в прошлом веке: она поистине является очень дорогим и дефицитным ресурсом. Тем не менее, «порох в пороховницах» еще есть! У нас действуют и двухсторонние договоры с РГНФ, так что, учитывая лакуны в коммуникации, которые раскрылись после 1991 г.,

теперь у наших ученых есть опыт и знания, которые можно вместе разрабатывать.

— *В каких международных проектах вы участвовали? Насколько значима роль такого рода проектов для университета?*

— Начиная с 1991 г. я постоянно участвую в международных проектах и считаю это нормой современной научной жизни. Проекты — не буду перечислять все — касались молодежи, гендерных проблем, общественного мнения и развития демократии, культурного взаимодействия соседних народов, трудовой миграции, национальной идентичности, постсоветских городов. Назову несколько проектов. Например, проект INTAS по политической репрезентации столичных городов на постсоветском пространстве. В нем участвовало три страны: Беларусь, Литва и Азербайджан, руководил проектом известный социолог Йоран Терборн. С ним было очень интересно и легко работать: он не диктовал, а стимулировал наши идеи, направлял их в общее русло. Он просто поража нас своей научной любознательностью и креативностью!

Несколько лет я активно работала в международном проекте European Values Study по европейским ценностям (представляла там Беларусь), издала уникальную в своем роде монографию по материалам третьей волны проекта — «Ценностный мир современного белорусского общества: гендерный аспект» (Минск, 2004). Несколько лет мы также работали с польскими и литовскими коллегами по социологическим проблемам восточноевропейского пограничья. В продолжение этой тематики я работаю и сейчас, уже с украинскими коллегами.

Недавно был еще один очень интересный проект: социологи со всего мира, от Сиднея до Нью Йорка, включая такие знакомые имена, как М. Веверка, Р. Коннел, С. Уолби, П. Штомпка, объединили усилия, чтобы репрезентировать панораму проблем и перспектив социологии в мире. Проектом руководила Д. Калекин-Фишман, и в итоге вышла замечательная монография «Tradition and Renewal: the Shape of Sociology for the Twenty-First Century». Моей задачей было донести и объяснить хитросплетения советской и российской социологии, ее миссию и современные поиски как одной из «других» социологий (насколько это получилось — судить читателю). Не многие известные социологи говорят на русском языке, поэтому донести «голос», достижения и право на существование российской социологии я считала своей задачей и здесь, и в работе с журналом «International Sociology».

По индивидуальным проектам я работала в Woodrow Wilson Center в Вашингтоне, в SCAS в Упсале и аналогичном коллегииуме по социальным наукам HCAS в Хельсинки, в Max-Weber-Kolleg в Эрфурте по линии DAAD... В общем, есть с чем сравнивать, только успевай применять ценный опыт!

Но самое главное, я стараюсь активно развивать и продвигать в наших странах проекты Рамочной программы Европейского Союза (с 2014 г. — «Горизонт 2020»). Эти проекты ценны своим действительно уникальным, общеевропейским размахом. Почти со всеми странами большой Европы мы построили сеть обмена информацией и знаниями по социально-гуманитарным наукам. Оказывается, не только у нас, но и в Европе очень нужны механизмы координации работы ученых! Проект называется «NET4SOCIETY» и действует и в России.

— *Известно, что ситуация ученых и преподавателей в социальных науках достаточно непроста экономически. Их зарплата невелика. Приходится искать дополнительные заработки либо в преподавании, либо в научных исследованиях, либо вне науки и образования. Вопрос состоит в том, как они в буквальном смысле слова выживают в новых условиях? Есть ли поле занятости, где они могут, используя свой интеллектуальный и профессиональный потенциал, успешно и комфортно реализовать его? Как вы лично решаете данную житейскую и трудовую задачу?*

— Экономическая ситуация в нашей стране давно уже не вызывает энтузиазма. Например, средняя пенсия составляет около двух млн. руб., но это менее 200 евро. Профессор, если только он не работал на номенклатурной должности, получает примерно такую пенсию — а это задает определенные рамочные условия на «перспективу», так сказать. Поэтому в стенах университета можно встретить теперь многих старших коллег, давно перешагнувших рубеж пенсии, которые продолжают работать. Еще сложнее молодым ученым, у которых есть дети. Для сферы образования это риск-группа: они часто либо вовсе уходят из науки, либо стараются уехать туда, где зарплата выше: в США, Германию, Россию и др. Там совсем другие перспективы и возможности. Те, кто остается, вынуждены работать в 2–3 местах, как в «лихие 90-е». Худший вариант — когда ученый занят только добыванием денег: он поневоле деградирует.

С огорчением должна признать, что сейчас труд преподавателя или ученого в сфере социологии оплачивается скудно при росте нагрузки: когда я начинала педагогическую деятельность, ставка была 550 часов, сейчас это может быть и 900 часов, и тысяча. Разве при таких условиях возможно, чтобы от ученого что-то оставалось?! У меня никогда не хватало времени преподавать в двух местах. Так что дополнительный заработок давала только наука, международное сотрудничество... Однако все имеет свою цену: из-за этого мои научные связи с российскими коллегами ослабли, я почти не бываю на конференциях в России. А очень бы хотелось, ведь у нас больше общих проблем, и мы должны работать вместе по ним.

— *Что наиболее интересно для вас как исследователя: какая проблематика, какие методы, какие стратегии? Какие темы привлекают ваше внимание в начале XXI столетия?*

— В прикладном плане я начинала работу в социологии молодежи, и тогда мне, конечно, казалось, что это единственная интересная тема. Впоследствии — неизбежно — главной общей темой стала постсоветская трансформация в ее ценностном измерении. Необходимо было понять, что происходит в обществе, куда мы идем, чего ждать от завтрашнего дня. Это было моим социологическим ответом на вызовы изменившейся социальной реальности. Иногда тематика моих исследований была связана с «заказом»: в 1990-е гг. в стране активно развивались исследования по проблемам СПИДа — тогда многие белорусские социологи открыли для себя взаимодействие с респондентами, которых «не было» в советской социологии. Поездки в США в середине 1990-х гг. привлекли мое внимание к гендерной проблематике, которой я занимаюсь с тех пор, наблюдая, как наше «социалистическое» общество насыщается ценностями среднего класса из американских пригородов 1960-х.

Мне лично всегда больше всего импонировал сравнительный подход в рамках международных исследований, т. к. он позволяет охватить проблему не саму по себе, а представить ее в рамках общей картины социального ландшафта, и не в одной стране, а хотя бы в регионе. Отсюда и мой интерес к международному исследованию ценностей и к теории модернизации Р. Инглхарта, с которым я познакомилась благодаря участию в проектах European and World Value Survey.

В социальной теории изначально меня интересовали теории социального развития, фокусированные на роли научно-технических факторов. В этом русле написаны мои диссертационные работы, первая монография, да и нынешний мой интерес к цивилизационному подходу связан с этим. Большое личное влияние в этой области на меня оказало знакомство (на протяжении полутора десятка лет) с замечательным социологом Шмуэлем Айзенштадтом, который всегда поражал и своим трудолюбием, и постоянным интересом к познанию нового в науке. Это подлинный образец ученого. Впрочем, такие ученые есть не только за границей, но и на постсоветском пространстве. Просто так получилось, что для зарубежных ученых вполне нормально личное (или по электронным сетям) общение с более молодыми коллегами, их научная поддержка, а у наших отечественных ученых на это редко остаются время и силы, к сожалению.

— *Кто вы как ученый сегодня? Какие результаты вы могли бы назвать как наиболее важные и значимые в социологии?*

— Индивидуальных монографий у меня не так много, есть ряд знаковых статей. Пожалуй, главная монография в постсоветское время —

«Ценностный мир современного белорусского общества: гендерный аспект» (2004), в ней я совместила несколько из моих исследовательских интересов. Есть и коллективные работы, наберется около десятка зарубежных и отечественных монографий в соавторстве. Иногда, порой неожиданно, мои статьи в «СОЦИСе» вызывали разного уровня волнения. Например, после годичной стажировки в США по программе Фулбрайта я решила написать о современном опыте социологии образования, переживала это как собственное откровение. После этой статьи (а это был конец 1990-х) ко мне и сейчас обращаются как к «эксперту» по социологии образования. Совершенно другой случай произошел, когда после статьи «Парадоксальный белорус», предваряющей мою монографию 2004 г., в «правильном» белорусском журнале подвергли сомнениям используемые мною результаты сравнительных международных исследований, и было, что называется, совершенно не смешно. Профессиональная полемика, уже совершенно другого рода, разразилась, и когда Н.Е. Покровский опубликовал «открытое письмо» ко мне на страницах «СОЦИСа» после моих критических высказываний о развитии социальной теории в России. Каждый раз, когда твой взгляд меняется и по-новому называешь привычные вещи, начинается бурление — причем не нужно монографии, достаточно искры, «snapshot», журнальной статьи, и в этом — примета времени. Конечно, у меня есть несколько небольших и удобных в преподавании учебных пособий — по гендерной социологии (оно есть теперь в открытом доступе на сайте БГУ) и, новое, по социологии общественного мнения (Минск, 2011). Помогает и наша хрестоматия — некоторые классические тексты из нее я так нигде больше по-русски не видела, так что, видимо, она еще как минимум несколько лет пригодится.

Меня по-прежнему больше интересует теоретическая интерпретация и объяснение социальных процессов, нежели чисто эмпирические исследования, поэтому много работ публикую по современным проблемам социальной теории. Большинство из этих публикаций — в минском журнале «Социология», который в России почти неизвестен, зато доступен в открытом доступе на сайте БГУ. Когда возможно, стараюсь свои работы делать доступными для коллег через Интернет — пусть читают, критикуют, это же норма научного процесса. В журнале мы публикуем и новые переводы: по-своему рада, что некоторые тексты Х. Йоаса, Й. Терборна или Н. Генова впервые на русском языке вышли именно у нас.

Интересно, что старые теоретические интересы проявляются в новых формах. Ввиду моего философского прошлого, я много лет преподавала курс по футурологии, читала лекции о Римском клубе. В последние годы этот теоретический интерес вылился в исследование

экологических ценностей, причем сразу получилось сделать совместный международный проект — сначала с московскими социологами, потом с румынскими. Оказалось, что в Беларуси, даже после Чернобыля, от которого пострадало, даже по официальным данным, 40 % территории нашей республики, граждан больше всего волнуют проблемы экономические, а не экологические, что очень хорошо отражает и весь спектр трудностей и вызовов нашего «нового старого времени»...

— *В последнее время благодаря Майклу Буравому, нынешнему президенту Международной социологической ассоциации, развернулась дискуссия об общественной роли социологии. В чем, по-вашему, проявляется специфика профессиональной и публичной социологии в Беларуси и за ее пределами?*

— Есть ученые, живущие в странах, где «публичная социология» традиционно рассматривается как часть профессиональной деятельности ученого. Примером тому является Майкл Буравой — кстати говоря, настоящий революционер и в работе Международной социологической ассоциации! (Благодаря его политике, бюллетень МСА теперь есть на русском и украинском языках, что, я считаю, большое достижение, социологи стали ближе к социологам.) Позиции публичной социологии отстаивал и прежний президент МСА Мишель Веверка. В некоторых странах активная общественная позиция социолога почти норма. Но не для нас. У нас не принято ученому решать проблемы подобным образом, выступать на публике, скорее это такая ниша. Лишь единицы это делают, да и то, вероятно, по личным обстоятельствам (например, проявляется практика комсомольского прошлого). Возможно, публичным социологом в Беларуси можно считать только академика Е.М. Бабосова, хорошо известного далеко за пределами страны, — но и у него есть замечательный опыт прежней работы в комсомоле и ЦК партии, который ему наверняка помогает.

На мой взгляд, сама научная работа не оставляет ученому времени ни на что другое. Да и решить проблемы с трибуны еще никому не удавалось — я такого не знаю, по крайней мере у нас, так что себя однозначно реализую в науке, в преподавании.

— *Как бы вы охарактеризовали современную ситуацию в социальных науках в Беларуси и за ее пределами? Насколько изменилось положение социологии в Беларуси с 1989 г.? Существуют ли в Беларуси самостоятельные научные школы в социологии? Если да, то, что они собой представляют?*

— Такое нынче время, что школы себя почти изжили, хотя и остаются. Сейчас в работу активно включены невидимые колледжи, электронные социальные сети. Как временные формы существования связей в науке сети очень эффективны, особенно когда они создаются на базе общего научного проекта. Характерно, что функция сетей — сделать обмен идеями и результатами более эффективным, тогда как научные

школы очень часто заняты борьбой друг с другом, отстаиванием своей парадигмы независимо от того, что, возможно, надо было бы признать свои слабые стороны, что-то изменить. Но тогда ведь не будет этой школы... Так что «эпоха метанарративов», серьезной «партийной и идеологической борьбы» в науке сейчас, думаю, прошла — хотя это не значит, что она не вернется.

В целом, современная ситуация социологии в Беларуси такова, какой она только и могла быть в тех условиях, в которых мы живем: мир стал миром неопределенности, и такова же его социология. На эту тему социологи всего мира рассуждают на международных конгрессах уже много лет, и всегда вывод один: мы не знаем, куда идем. Только со стороны может казаться, что мировая социология (или отдельно взятая «социология» в любой стране) — законченное научное строение. Если взглянуть на социологию изнутри — она вся в строительных лесах, вся в движении и изменении (так что, может, это и не здание вовсе, а гигантская форма жизни). Все ее достижения хороши в тот момент, когда они достигнуты. Через какое-то время они подвергаются критике, иногда полностью опровергаются. Даже классик номер один, Макс Вебер, сегодня уже не представляется персоной вне критики: часть его универсальных выводов о роли протестантской этики, о рационализации, сегодня уже не считаются столь универсальными. Это по-своему хорошо и тоже примета времени. К сожалению, крупных социологов-теоретиков всегда было немного, поэтому их и сегодня не хватает для разностороннего целостного охвата общества, а также для очевидного для «внешнего мира» продвижения социологии вперед. Сегодня этого нет ни за рубежом, ни в Беларуси.

Но положение социологии, конечно, улучшилось: ученые могут более открыто высказывать свои взгляды, цензура, в советском ее виде, исчезла. Значительно вырос профессионализм, особенно в методах проведения исследований. Сама сфера стала профессиональной. Однако и сейчас есть много других рычагов контроля над социологами, главный из которых — финансовый. Если за твою работу (научную или педагогическую) тебе не платят, надо либо менять страну, либо меняться самому, если хочешь оставаться в профессии.

Все же я думаю, что белорусская социология развивается: больше участия в международных исследованиях, конференциях, больше международных публикаций. Да и социологическое образование развивается, хотя и не без проблем. Это развитие неравномерно, но с этим ничего не поделаешь.

— *Как вы оцениваете уровень современного философского и социологического образования за рубежом и в Беларуси? Чему и как нам следует учиться у зарубежных социологов?*

— Уровень философского образования у нас и за рубежом мне довольно трудно сравнивать. У нас его главная проблема — снижение качества абитуриентов в условиях стандартизации вступительных экзаменов (аналог вашего ЕГЭ), массовизации высшего образования и демографической ямы. И хотя то, что мы видим, можно объяснить, от этого не становится легче. Даже престижный среди студентов-гуманитариев Европейский гуманитарный университет, работающий в Вильнюсе, сейчас закрыл набор на философию: недобор. В БГУ желающие пока есть, а вот конкурса уже нет. Как говорится, без комментариев. Само преподавание от этого хуже не стало: преподаватели ездят на конференции, публикуются, разрабатывают авторские курсы по современным стратегиям культурных, антропологических исследований. Так что свои надежды на дальнейшее развитие философского и социологического образования в Беларуси связываю именно с БГУ, пусть и во взаимобогащении с другими вузами.

Что касается зарубежного опыта преподавания социологии, здесь многому можно поучиться! Мне приходилось знакомиться с этим опытом во многих странах, и везде было что-то ценное. Например, более свободное решение проблемы с образовательными программами. т. е. академическая свобода. Она дает лучший результат, чем навязывание одной программы для всех. Главная проблема, почему у нас трудно внедрять зарубежные методы и результаты, — нехватка финансов, в нее все упирается. Если трудным сейчас является размножение учебных материалов, покупка новых книг, в библиотеке отсутствуют подписные иностранные журналы, не говоря об обеспечении нормальных условий труда преподавателя (отдельный кабинет), то многие проблемы на этом фоне кажутся мелкими. Хотя все равно надо перенимать чужой опыт, если он оказывается полезным и эффективным — студенты это ценят!

— *Способствовали и способствуют ли научные разработки в социальных науках решению ключевых проблем белорусского общества в 1970–80-х гг. и в настоящее время?*

— В советское время «проблемы у общества были общие» и решались они централизованно. Социологи могли подсказать, как их решать, в рамках прикладных исследований на конкретном предприятии, но не более того. А «общие проблемы» обсуждались на всесоюзных конференциях, и общий уровень информированности социологов о том, что и где развивается, был довольно высокий. Я помню, чем занимались в советское время харьковский социолог Е. Якуба или свердловчанин Л. Коган. Теперь все по-другому. Если сознательно не ставишь цели постоянно читать чужие теперь журналы, то панорама того, что делается в России или Украине, не говоря о других бывших республиках СССР, попросту исчезает.

Я очень рада, что в последние несколько лет лучше познакомилась с киевскими социологами (Евгением Головахой, Ольгой Куценко, Андреем Горбачиком), с харьковскими социологами, и их достижениями, которые, честно говоря, немаленькие. Очень жаль, что у нас исчезла практика приглашения социологов из соседних стран с коротким визитом: если немцев — то пожалуйста, а вот социологов из соседней страны — никак нельзя, нет таких статей в бюджете. А ведь, например, с Россией мы живем в едином экономическом пространстве. Получается, что неравенство резко выросло, и уже внутри бывшего советского пространства. Тема разрушенных прочных когда-то связей между социологами, ныне живущими по разным «национальным квартирам», теперь по-новому актуальна, ведь без обмена идеями и личных связей не будет понимания и поиска решений проблем. Например, последняя конференция по миграции в России в 2012 г., в которой я участвовала, показала со всей очевидностью, что даже проблемы миграции во многом у нас сходные, хотя внешне представляется, что они есть только у России. Чем лучше узнаешь результаты чужих исследований, тем больше понимаешь и свои собственные результаты, видишь их в другом контексте, под иным углом зрения.

По большому же счету, и советская социология, и современная очень мало востребованы в решении ключевых проблем общества. Нет у нее такой возможности. Ученые могут объяснить социальные проблемы, но не решать их — решения принимают политики. В лучшем случае, они могут спросить социологов, даже затребовать информацию, но решения принимают исходя из своих интересов, а не с опорой на результаты исследований.

— *Каково ваше нынешнее восприятие атмосферы 1980-х гг. в Советском Союзе? Что это был за период для вас лично? Насколько он значим в вашей профессиональной деятельности?*

— Если коротко — это был период молодости, когда мир все еще виделся сквозь розовые очки. Невозможно было даже представить, что этот мир может рухнуть. Поэтому были надежды, что все проблемы как-то будут решены, хотя они и нарастали как снежный ком, это было очевидно. Но вот решение проблем через развал СССР как-то не было очевидным, и несмотря на различные намеки, это казались мне невозможным ввиду своей нерациональности. Нерациональным оно и осталось.

Теперь весь мир живет в парадигме риска, непредсказуемости. Поэтому любые проблемы и тупики воспринимаются как естественный ход событий. Сознание адаптировалось к рискам. Оказалось, что жизнь возможна не только в стабильном обществе, хотя у нестабильного общества — свои законы, механизмы действия, которые надо изучать заново.

— *Как вы относитесь к периоду перестройки и времени реформ 1990-х гг. в постсоветской Беларуси и в России?*

— Перестройка — время сплошных неожиданностей, когда нельзя было понять, что и как разрушать и строить. Символ перестройки — это фильм Абуладзе «Покаяние»: и прошлое не отпускает, и новое не устраивает. А дорога к Храму — неизвестно где. То же и с реформами. Впрочем, в Беларуси они очень скоро минимизировались. Вернулась стабильность, больше похожая на застой, но желанная для многих простых людей: все стало снова понятным.

В личностном плане середина 1990-х — новый период в моей профессиональной жизни. Я много стажировалась за рубежом, преподавала там, получила огромный опыт, который, правда, не всегда востребован дома. Кстати, стажировки в США помогли лучше познакомиться с российскими учеными, которых «там» было очень много.

— *И белорусское, и российское общества прошли через горнило социально-экономических и политических перемен 1990–2010-х гг. Каковы самые злободневные проблемы белорусского общества? Как вы оцениваете процессы формирования новой экономики, нового государства и гражданского общества в Беларуси и России?*

— Главная общая проблема — куда идем? что впереди? куда приведет современная трансформация, или, как ее теперь принято в России называть, модернизация общества?

Впрочем, если не изменить сути самих этих процессов «трансформации» и «модернизации», останется лишь игра в слова. По Черномырдину: Хотели как лучше, а получилось как всегда. Что получится в результате этих процессов в России и Беларуси, предсказывать не берусь. Во всяком случае, «новой» наша экономика еще должна стать в ближайшие годы. Оглядываться назад и вздыхать с облегчением пока рано.

— *Как вы оцениваете отношения Беларуси с Россией? Существуют ли социологические замеры этих связей? В чем Россия существенно не похожа на Беларусь сегодня?*

— Отношения между народами двух стран — в широком понимании — как были хорошими, так и остались. В недавнем эмпирическом исследовании, проводимом НИСЭПИ, где ставился вопрос о том, что отличает белорусов от россиян, самый популярный ответ (вопрос был открытый) — «ничего не отличает»; делайте выводы. Другое исследование, проводившееся в 2012 г. ЕАБР, также показало, что интеграционные стремления белорусов по всем параметрам более тяготеют к России, чем к другим доступным направлениям. Хотя ситуация эта изменчива, результаты часто колеблются в зависимости от конкретной ситуации во взаимоотношениях между политическими элитами. Понятно, что наши страны — в разной весовой категории, но общего на пути их постсовет-

ского развития больше, чем отличий. Единственное и очень важное отличие — Россия может позволить себе больше креатива из-за ее огромных ресурсов.

— *Насколько ваши разработки в социологии могут объяснить происходящее и спрогнозировать будущее развитие белорусского общества?*

— Прогноз, как показывает опыт, — неблагоприятное занятие. Сошлюсь на недавний прогноз профессора О. Манаева, НИСЭПИ: он говорил, что будущее Беларуси нельзя прогнозировать из ее прошлого — надо опираться на то, какая Беларусь сегодня, т. к. страна не может «выпрыгнуть из себя» и в одночасье или по желанию элиты стать другой. В этом смысле белорусы во многом остались традиционными людьми и ценят то же самое, что и двадцать лет назад: достаток, спокойствие, безопасность. Кстати, такая же картина на Украине: данные мониторинга показывают, что простые украинцы очень хорошо относятся к союзу Беларуси и России и даже хотели бы вступить в него, тогда как элиты имеют другие планы и интересы в этом отношении.

Так что прогноз нашего будущего — это интерпретация стакана, наполовину заполненного водой: можно сказать, что он полупустой. А можно — наполовину полный.

— *Каков ваш социологический и социально-экономический диагноз нашего времени?*

— Постановка таких диагнозов, в общем-то, осталась в прошлом. Известны диагнозы времени Мангейма и Хабермаса, но это прошлое. Диагноз времени Йоаса — неопределенность — мне представляется более обоснованным, причем для всего мира. В России интересный диагноз времени поставлен Ж.Т. Тощенко: он назвал нынешнее время в России «кентавризмом». А вот украинский социолог Н.А. Шульга поставил диагноз двадцатилетней трансформации Украины как «дрейф на обочину».

Я воздержусь от столь определенных и достаточно пафосных диагнозов. «Большое видится на расстоянии». Возможно, ваш диагноз будет точнее моего.

— *Ваше теоретическое кредо?*

— De omnibus dubitandum — «Подвергай все сомнению».

— *Что мешает и что помогает вам в педагогической и научной работе?*

— В педагогической работе мешает, как это ни странно, невысокий интерес студентов к избранной специальности. За годы моей работы «контингент» явно изменился: первые наборы были все из «горящих глаз», сейчас многие идут, «лишь бы получить диплом». Это плохо. Но зато каждый по-настоящему хороший студент — отличный стимул в педагогической работе: ради таких и стараешься. Когда потом твои ученики достигают успехов — радуешься за них вдвойне. Я рада за каждого

своего защитившегося аспиранта, хотя не все они остались в социологии (у моих детей отношения с наукой тоже 50:50). Их достижения — это и мои труды, которые не пропали даром.

Очень мешает в педагогической работе формализм, частые проверки страхующих себя чиновников. А что проверяют? Только бумажки. Вся работа сводится к этому. Нельзя работать эффективнее, можно только по инструкции. Эта полная неавтономность в работе педагога совершенно изматывает. О какой автономии университета может идти речь, если даже курсу, который читаешь, ты, образно говоря, «не сторож» и решает кто-то вместо тебя?.. Отличные стимулы мне дает совместный онлайн курс с американским коллегой. Это продвинутый курс на английском языке, с использованием современных технических достижений преподавания, однако его я веду как факультатив и совершенно бесплатно, на чистом энтузиазме. И это тоже примета эпохи.

В науке мешает, прежде всего, лимит времени: как успеть сделать все что хочешь и можешь, если в сутках 24 часа и ты не вечен? Еще мешает скудость средств, отпускаемых на науку, отчеты по каждой мелочи. Некоторые ученые быстрее работают, чем потом пишут отчеты «по форме». И таких отчетов все больше. Социализм погубила бюрократия, но и мы недалеко ушли.

— *Ваши хобби?*

— Очень люблю посещать новые места — города, регионы, страны. Это не только путешествия, новые впечатления, но и, конечно, люди, их разная жизнь и отношение к жизни. Как социолог я воспринимаю людей профессионально... Поэтому люблю находиться в дороге — это способ познакомиться с такими людьми, с которыми в обычной жизни не встречаешься. Например, в самолете, поезде — разговоры бывают очень интересные.

— *И последний вопрос — ваши творческие планы?*

— За годы работы у меня накопился огромный научный материал. Вопрос в том, чтобы успеть его осмыслить и обобщить. Хотелось бы написать большие новые работы по постсоветскому гендеру, ценностям, развитию университета... держа руку социолога на пульсе развития нашего общества.

— *Большое спасибо за интервью.*

Интервью провел В.В. Козловский

Краткая биобиблиография

Лариса Григорьевна Титаренко родилась 11 марта 1953 г. в Минске, в семье служащих. В том же году семья переехала в Ленинград, где родители получали высшее образование, после чего в 1959 г. вернулись в Минск.

После окончания школы в 1970 г. поступила на отделение философии исторического факультета Белорусского госуниверситета. За отличную учебу в студенческие годы была удостоена стипендии имени К. Маркса. В 1975 г. поступила в аспирантуру по кафедре философии гуманитарных факультетов, которую успешно окончила в 1978 г., защитив кандидатскую диссертацию по проблемам технократизма в западной социальной философии (научный руководитель — проф. Г.П. Давидюк).

Трудовая биография Л.Г. Титаренко связана с Белорусским государственным университетом. После защиты диссертации два года работала научным сотрудником в секторе прикладной социологии при кафедре философии. С декабря 1980 г., пройдя по конкурсу на должность доцента этой кафедры, читала различные курсы лекций для студентов, специализирующихся по социологии. С осени 1989 г. перешла на открывшуюся кафедру социологии и в том же году поступила в докторантуру (1989—1992 гг.). Завершением учебы в докторантуре стала защита докторской диссертации по социологии в декабре 1992 г. на тему «Технократические концепции: структурно-функциональный подход» (научный консультант — проф. Г.Н. Соколова). С 1993 г. — доктор социологических наук, с 1995 г. — профессор. С 1993 г. работает на кафедре социологии в должности профессора, параллельно проводя большую научную работу. Научный руководитель и соисполнитель более 20 международных и отечественных исследовательских проектов (по европейским ценностям, социализации молодежи, социальным движениям, социологии города, качеству жизни, идентичности, пограничью), включая ИНТАС, EVS, 7РП. Член совета по защитах докторских диссертаций по социологии при БГУ. Лауреат премии БГУ в области социальных и гуманитарных наук имени В.И. Пичеты (2009). Заслуженный работник БГУ (2013). Член редколлегии и эксперт нескольких журналов по социологии.

Л.Г.Титаренко — член Международной социологической ассоциации (с 1982), Международного института социологии (с 1996), член Российского и Белорусского обществ социологов, Международного общества социологов религии (с 2004), почетный член Нидерландского института по социальным и гуманитарным наукам (с 1996) и Международного общества образования (с 2007). Стипендиат программы Фулбрайта (Сиракузы, 1994), Нидерландской королевской академии социальных наук и искусств (Вассенаар, 1996), Центра Вудро Вильсона для международных исследователей (Вашингтон, 1998—1999), Шведского (Уппсала, 2006) и Хельсинкского (2013) коллегииумов по продвинутым социальным исследованиям. Автор и соавтор более 400 работ, опубликованных на восьми языках, в том числе около десяти учебников и учебных пособий по социологии, индивидуальных монографий.

Основные публикации

- Технологический детерминизм: теории, идеологические функции. Мн., 1981.
- Знание. Компьютер. Общество. Мн.: наука и техника, 1992. (соавт.).
- Технократические концепции в западной социологии. Мн., 1993.
- Values and Post-Soviet Youth. Problem of Transition. Milan, 1995 (соавт.).
- История социологии. Учебное пособие. Мн., 1997(соавт.).
- Социология. Учебное пособие. Мн., 1998 (5е изд. – 2004) (соавт.)
- Public Opinion in Belarus. Wash., DC, 1999.
- Global Trends in Women's access and Leadership. Wash., DC, 2000.
- Оперативные социологические исследования: методика и опыт организации. Мн., 2001 (соавт.).
- Democratic Citizenship in Comparative Perspective. San Diego, 2003. (соавт.).
- Гендерная социология: Учебно-методический комплекс. Мн., 2003.
- Ценностный мир современного белорусского общества: гендерный аспект. Мн., 2004.
- Национальная идентичность и социокультурные ценности населения в современном белорусском обществе. Мн., 2006.
- Demokratick kultura v esk republice: Ob ansk kultura, thos a vlastenectv ze srovn ac ho pohledu. Praha, 2007 (соавт.).
- Современная западная социология: хрестоматия. Мн., 2008. (соавт., сост. Г.Н. Соколова).
- Youth Policy in Moldova. An International Review. Strasbourg, 2009. (соавт.)
- Постсоветские столицы. Минск. Вильнюс. Баку. Мн., 2009 (науч.ред. и соавт.)
- Социология общественного мнения. Учебное пособие. Мн., 2011.
- Социология. Учебное пособие. 1-е изд. Мн., 2012 (соавт.).
- Tradition and Renewal: the Shape of Sociology for the Twenty-First Century. London, 2012 (соавт.)

Основные международные исследовательские проекты

- Общественное мнение в Беларуси. Фонд IFES (США). 1998.
- Европейское исследование ценностей. Международный проект. 1998–2006.
- Страхи в постсоветских обществах. NCES (США). 1999–2000.
- Доступ женщин к лидерству. IFES (США). 2000.
- Демократические отношения в Центральной и восточной Европе. Открытое общество. 2001–2002.
- Роль столичных городов в политической репрезентации постсоветских наций. Международный проект INTAS. 2006–2008.
- Посткоммунистические парадоксы массового сознания. Международный проект. Открытое общество. 2006–2007.
- Границы и идентичности в новой Европе. Международный польско-литовско-белорусский проект. 2006–2010.
- Молодежь в Молдове. Международный проект Совета Европы. 2008–2009.
- COST (международная исследовательская сеть по проблемам пограничья). 2009–2010.
- Экологически ориентированный образ жизни горожан. Международный проект. БРФФИ. 2009–2011.

Интервью с профессором Ларисой Григорьевной Титаренко

Транснациональная кооперация и сотрудничество в области социально-гуманитарных наук. Проект 7 Рамочной программы Евросоюза. 2008–2014.

Программа Восточно-европейского партнерства: границы и миграция. Международный проект (Финляндия-СНГ). 2010–2013.

Современная немецкая социология. DAAD. 2011.

Динамика ценностно-нормативной системы и жизненные шансы: опыт постсоветской трансформации в Пограничье. Международный белорусско-украинский проект. CASE. 2012–2013.